

ГОРЬКИЙ — ВОРОНСКОМУ

<Сорренто, не ранее 21 февраля 1927 г.>

Дорогой Александр Константинович,—

в марте придет П. П. Крючков, он привезет Вам первую главу романа «Детство Клима Самгина» и воспоминания мои о Н. Г. Гарине-Михайловском¹, книги которого «Кругу» следовало бы издать. О Гарине я написал по предложению Н. Д. Телешова²; воспоминания эти будут прочтены в «Музее имени Чехова».

А по предложению А. Н. Тихонова написаны мною для какого-то сборника «Заметки наивного читателя»³, если оный сборник не осуществится,— возьмите и «Заметки». Я мог бы еще написать о грамотности редакторов таких изданий, как «Октябрь», «Звезда»⁴ и т. д.

Пьесу мою печатать не нужно⁵, я не хочу этого по некоторым соображениям. А Вы, напечатав ее в «Кр<асной> н<ови>», создадите «прецедент», завалят Вас рукописями пьес.

«Письмо» Маяковского читал, но смысл письма — не усвоил. **Чувствую, конечно, что в письме есть что-то хулиганское, но — это не ново. М/ий/ всегда был хулиганом и, кажется, пребудет таковым до конца дней его. Он для меня давно уж “вне литературы.”*** Гораздо больше возмутил меня министр народного просвещения, на днях мне прислали его статью «Фальшивая монета»⁶. Как литератор он должен бы помнить, что до опубликования литературного произведения отрицательные приговоры о таком — не допускались литературной традицией. Неопубликованная вещь—преступление, еще не совершенное, и уже во всяком случае не подлежащее единоличному осуждению, хотя бы судья и был министром.

Затем: министр нар<одного> просвещения обязан писать грамотно. Фраза:

«Уж подлинно можно сказать, что если страна жаждет от Горького ценного *подарка*, то в этой пьесе она получает *уплату своего долга* фальшивой монетой».

Это — безграмотно, — обратите внимание на слова, подчеркнутые мною. Далее: это — оскорбительно. Пьесу можно назвать неудачной, уродливой — как угодно, но никто не имеет права говорить мне, честно 35 лет работающему в русской литературе, что я делаю «подарки» или плачу долг фальшивой монетой. Заболтался Анатолий Луначарский. Счастлив он, что рука моя далеко от его ушей, а то, пожалуй, натрепал бы я ему уши.

За время с декабря я дважды жестоко заболел, да и сейчас все еще не оправился, очень сильно ослабел. Астма, головные боли, чего у меня никогда не было. Денег у меня, разумеется, нет, но просить их я устал. Впрочем, Крючков послал Бройдо письмо. Если Вы пошлете Ек. Пав. Пешковой рублей 500 — буду очень благодарен. Ей нужно ехать сюда.

Привет.

А. Пешков

Какой умный, интересный, талантливый Леонов. Мне кажется, он скоро уже нащупает себя самого и даст очень крупные вещи. Вы его берегите. Эх, Бабель! Зачем он балуется с кино?

А. П.

Датируется на основании письма Воронского Горькому от 16 февраля 1927 г.

¹ Воспоминания Горького «Н. Г. Гарин-Михайловский» были написаны для чтения на вечере в Москве 5 апреля 1927 г., посвященном памяти Гарина-Михайловского. В отрывках опубликованы в «Красной газете» 9 апреля 1927 г. (вечерний выпуск) и одновременно в № 4 «Красной нови» за 1927 г. Впоследствии издавались под названием «О Гарине-Михайловском».

² Письмо Горького Н. Д. Телешову см.: «Архив А. М. Горького», т. VII. М., Гослитиздат, 1959, стр. 125.

³ Речь идет о «Заметках читателя», впервые опубликованных в кн. 6 альманаха «Круг». См письмо Горького А. Н. Тихонову от 10 марта 1927 г. («Горьковские чтения (1953—1957 гг.)»). Изд-во АН СССР, 1959, стр. 54—55).

⁴ Многочисленные примеры неграмотности редакторов Горький привел в своей статье «О пользе грамотности», опубликованной 17 марта 1928 г. в № 11 газеты «Читатель и писатель» и 20 апреля 1928 г. в «Известиях».

⁵ «Фальшивая монета».

⁶ В статье «Фальшивая монета» («Красная газета», 1926, 18 ноября, веч. вып.) А. В. Луначарский упрекал Горького в отрыве от современности. Узнав, что пьеса написана Горьким в 1913 г., Луначарский выступил в той же газете 20 января 1927 г. со следующим заявлением: «Как мне сообщают из достоверных источников, пьеса «Фальшивая монета» написана была в 1913 г., то есть не только до революции, но даже до империалистической войны.

Само собой разумеется, что в этом случае к ней приходится подойти совсем с другой точки зрения и все, что я написал о ней, является неправильным.

Прошу читателей извинить меня за то, что я, будучи сам введен в заблуждение, ввел в заблуждение и их.

Нарком по просвещению А. Луначарский».

* The words in red were cut from the letter as it appears in: «Архив А. М. Горького», т. X, кн. 2, стр. 47-48.